

Мамедова А. Б.

Бакинский государственный университет

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ И КУЛЬТУРА В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ СМЫСЛЕ

Питання про взаємозв'язок мови, мислення та культури протягом всієї історії вирішувалися у різних наукових та філософських контекстах. Основним елементом розумової рефлексії тут є сама мова, моменти, що виникають та привертають увагу у напрямі його розвитку. Основною дослідницькою ідеєю статті є мова, його граматики, форми, що використовуються в мові, його становище як засоби спілкування та всі ті процеси, які протікають між людським розумом та культурою, як продуктом соціального розвитку суспільства. У статті розглядаються підходи до цього питання, опубліковані в науковій пресі та викликали широку дискусію. На основі аналізу їх наукового змісту та визначається ставлення до аналізованої проблематики. Так, до цього часу в рамках наукових досліджень зроблено чимало спроб конкретизувати питання, пов'язані з історією становлення та розвитку мови, її систематизації, і як рішення висувається безліч суперечливих поглядів. Як уперше з'явилася мова, якою є тенденція її розвитку, який рівень зв'язку мови з людським мисленням, якою є реальність функціонування, тощо. Будучи складовою філософії, філософія мови шукає відповіді багато подібні питання. Мова і його основу одиниці використовують свої компоненти для позначення всіх елементів буття, які дозволяють висловлювати сенс, бути засобами висловлювання цих елементів, причому у певному контексті. Іншими словами, мова є засіб вираження сутності, що проявляється у самій собі. Природа мови полягала у структурі символічних відносин як і провідний елемент у формуванні людського розуму дозволяла йому пристосовуватися до різних середовищах і здійснювати у своїй певні дії. Цей розум є втіленням різних понять та суджень, які ми створюємо про ці явища, винахід певних метафізичних понять, які, у свою чергу, є їх аналізом, дослідженням та пошуком.

Ключові слова: мова, пізнання, мислення, культура, взаємодія мови та мислення, лінгвістичний релятивізм та детермінізм, Н. Хомський, гіпотеза Сепіра-Уорфа.

Введение. Лингвисты и представители общественных и гуманитарных наук по-разному смотрят на взаимоотношения между языком, мышлением и культурой, и потому до сих пор не дано исчерпывающего определения этого процесса. Действительно, идеи, выдвинутые учеными в отношении этих понятий, во многом находятся в рамках их собственных подходов. Имре Лакатос отмечал, что «у всех исследовательских программ есть «твёрдое ядро». Отрицательная эвристика запрещает использовать *modus tollens*, когда речь идёт об утверждениях, включённых в «твёрдое ядро». Вместо этого, мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы прояснить, развивать уже имеющиеся или выдвигать новые «вспомогательные гипотезы», которые образуют защитный пояс вокруг этого ядра определяет науку и научный метод как разумную гипотезу, то есть каждое из представлений о языке, мышлении и культуре выдвигается как основная или вспомогательная теория, образует ядро» [1]. Лакатос, в отличие от Томаса Куна, в качестве основной структуры

называет метод, используемый в научных исследованиях, научным развитием, а не научной революцией. То есть, в отличие от Томаса Куна, не всякая научная парадигма возникает в результате краха предыдущей парадигмы, а наука представляет реципрокные парадигмы, основанные на паттернах исследовательской программы Лакатоса.

Существует множество идей о **мировоззренческих основаниях языка, мышления и культуры**. Некоторые из этих идей основаны на практических принципах, тогда как другие носят чисто теоретический характер.

Вальтер Таули в своей статье подчеркивает, что в утверждении «Язык есть средство общения» есть две характеристики: 1) язык есть средство; 2) язык есть социальный код и социальная конструкция» [2, с. 1]. Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что «язык всегда был лишь средством общения» [3, с. 27]. Мы согласны с первым утверждением.

Есть множество утверждений о полезности языка в обществе. Роль языка в жизни общества

растет день ото дня. Джойс Герцлер пишет, что «язык – это инструмент, играющий роль в передаче информации в пределах определенного времени и пространства, в определении ведущих черт памяти, техники, творчества, мышления, познания, категоризации, личности» [4, с. 38]. По сути, язык есть отличный инструмент социального поведения. Она обеспечивает взаимодействие разных слоев или членов общества по различным темам, является ведущей силой в решении любой проблемы. Суть той или иной темы отражается на этой базовой платформе. Это главный элемент, обеспечивающий возникновение, формирование, изменение и, следовательно, эволюцию понятия смысла и сущности в нашем мире.

Размышления о языке, мышлении и межкультурных отношениях на протяжении истории всегда были предметом споров в традиции Восток-Запад. Классические и современные исследования показывают, что существует система особого взаимодействия между структурой языка, познавательным процессом и культурой. Первые сведения об этом можно найти в трудах Бхартари (VI в. до н. э.), одного из древних лингвистов Индии, изучавшего язык и его особенности в еще древности. По его словам, мышление – это языковое кодирование. В Европе в конце XVIII – начале XIX вв. концепция лингвистической относительности приняла более серьезную форму и стала предметом научных исследований. Иоганн Готфрид Гердер, Иоганн Георг Хаманн и Вильгельм фон Гумбольдт рассматривали проблему языка и мышления в широком мировоззренческом контексте. В своей статье о прикладной лингвистике Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что язык ограничивает границы мышления. Эрнст Кассирер, защищая эту идею, писал: они не находятся в авангарде языка, язык сам создает эти различия и в результате расширяется и развивается на созданной им основе [5, с. 12].

У Фердинанда де Соссюра также также рассматривал место языка в отношениях между языком и мышлением. Джон Лайонс, ссылаясь на воззрения Фердинанда Де Соссюра, пишет, что Подход Соссюра к субъективной направленности структуры языка и отношения между структурой (языком) и сущностью естественным образом приводит нас к идее языковой относительности. В связи с этим невозможно представить такие понятия, которые определяют надежность для человеческих языков, как продуктивность, двойственность и деградация в качестве общих семиотических признаков» [6, с. 222].

Основная цель здесь не просто история формирования отношений между языком и культурой, но и особенности этих двух компонентов, создающие эти различия.

По этому поводу было высказано много предположений. Наиболее известной из них является гипотеза Сепира-Уорфа, согласно которой Б. Уорф утверждает, что человеческий язык находится под влиянием социальных традиций в рамках формируемого им культурного наследия, а не представляет собой совокупность действий группы человека или общества, определяя сущность их поведения [7, с. 40]. Э. Сепир и Б. Уорф считали, что язык есть определяющий признак, воздействующий на когнитивные элементы мышления, и выражая свои основные подходы к понятиям причинности и относительности, они заявляли, что люди, говорящие на разных языках, систематизированных на основе разных грамматик, наблюдают и воспринимают окружающий мир под влиянием этих языков и грамматик.

Согласно Н. Хомскому, подход к релятивистской и антиуниверсалистской теории особенно перекликается с присущими американскому структурализму функционалистскими социальными отношениями и антименталистскими идеями Л. Блумфилда, которые Хомский называл экстернализованным (языковым) явлением [8, с. 16]. Такой подход противоречит подходу Хомского. Автор называет эту антитезу интернализованным языком. Последняя имеет индивидуально-генетическую основу.

Хотя обсуждение Хомским различий между теориями внешнего и внутреннего языка было предметом многих научных исследований, начиная с 1990-х годов, с начала XXI века оно называлось «бесполезным упрощением» и не вызывало особого внимания исследователей.

В целом, на наш взгляд, можно изучать ряд и других различий в языке, мышлении, межкультурных отношениях. Здесь общий подход, основанный на отношениях между языком и культурой, и изучение различий внутри подходов, утверждающих, что этих отношений не существует, также могут помочь найти золотую середину между языком и культурой. Когда различия между подходами к этому вопросу рассматриваются в научном контексте и даются определенные пояснения, выявляются слабые или сильные стороны предполагаемого тезиса в отношениях язык-мышление-культура и может быть выдвинут новый, более обоснованный антитезис. Дальнейшее выявление различий между эволюционно-синхронизи-

рующими отношениями обмена относительно языковой трансформации и различий между биолого-генетическими и социально-коммуникативными аспектами языка также может помочь более подробно рассмотреть взаимодействие языка с другими упомянутыми компонентами. Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе академических подходов в общенаучном контексте определить, какой из трех элементов в отношениях *язык-мышление-культура* имеет определяющую функцию, или имеет фактическое преимущество перед другим, и так далее. Н. Хомский выдвинул научные подходы, которые важны для ответа на вопросы о сути таких взаимодействий.

Язык как детерминанта мышления и культуры

Если мы примем культуру и среду, в которой живут люди, как общую совокупность всех мыслительных процессов, мы увидим, что основа этой идеи выражена в гипотезе Сепира-Уорфа. Сама эта гипотеза состоит из двух частей. Первая – относительная лингвистика, т. е. лингвистический релятивизм или лингвистический антиуниверсализм, а вторая – лингвистическая причинность, т. е. лингвистический детерминизм. Согласно первому, лингвистическому антиуниверсалистскому подходу, языки существенно отличаются друг от друга и не могут применяться никакие ограничения. Согласно второму подходу, детерминантой мышления является язык. То есть главная влияющая сила в формировании у человека тех или иных моделей мышления зависит от внутренних особенностей языка, на котором говорит этот человек. Первая часть теории Сепира-Уорфа привлекла внимание антропологов-эмпириков, большинство из которых согласились с ней. Многие, в том числе Пинкер, назвали этот подход разновидностью лингвистического детерминизма.

В целом подход лингвистического детерминизма нашел отклик в 1990-е годы, но большинство лингвистов уже не согласны с этой теорией. Они не признают определяющей функции языка в мышлении. Другими словами, они в основном выделили три основных направления этой теории: сильную, слабую и когнитивную версии. То есть эта теория в основном выигрывает от указанных трех направлений. В сильном варианте язык является несомненной детерминантой мышления, в слабом варианте язык оказывает определенное влияние на мышление, а в третьем, когнитивном варианте, язык увеличивает или уменьшает веро-

ятность мышления определенными, специфическими способами. Э. Хант и Ф. Аньоли также рассматривали эту третью версию. Лингвист Ник Лэнд пишет, что «Хант и Аньоли интерпретируют вычислительные способности людей, говорящих на разных языках. Англоговорящие дети отчаянно пытаются выучить много слов, чтобы называть числа. Помимо обучения основным элементам (от 0 до 9, 10, 100 и т. д.), участвующим в выражении различных чисел, англоязычные дети также учатся от 11 до 19 и 20, 30, 40... 90 и т. д. Им также приходится учить новые слова отдельно, чтобы выражать числа. Однако китайский ребенок, напротив, должен выучить только четырнадцать ключевых слов (числа от 0 до 10, 100, 1000, 10 000). В китайском языке нет специального слова для выражения числа 11, число 11 содержит выражение, равное 10 плюс 1. Поэтому для англоговорящих детей сложно и утомительно учить новые слова, чтобы выучить ряд чисел от 11 до 19, когда их навыки счета только формируются. У ребенка, который читает по-китайски и хочет овладеть этими навыками, такой проблемы нет. Это, скорее всего, отражает ценность изучения лексики, связанной с числами» [9, с. 20].

Следует также отметить, что подход к лингвистическому антиуниверсализму, являющийся первой частью теории Сепира-Уорфа, не содержит когнитивной версии или, если отбросить ее, вообще не выносит о ней ментального суждения. По поводу своего анализа когнитивной версии Н. Лэнд пишет: «Хант и Аньоли указывают на проблему размерности в связи со сложностью и простотой мысли на фоне ценности вычислительных навыков, и считают, что такие концепции ценности не остаются незамеченными и вероятностные методы мышления» [9, с. 19].

Параллельно с примерами, приведенными Э. Хантом и Ф. Аньоли, примерно такое же содержание можно выявить в персидском и английском языках. Так, в английском языке существует две формы чтения четырехзначных чисел. В одном варианте озвучиваются соответственно сначала тысяча, затем сто и десять (1917 год – одна тысяча девятьсот семнадцать). Однако есть и вторая, более легкая форма этого чтения в английском языке. Соответственно, при чтении четырехзначных чисел число может быть прочитано и в виде двусоставных десятичных знаков (1917 – *nineteen-seventeen*). Однако эта тенденция не встречается в персидском языке. Сколько бы цифр ни было в персидском языке, форма чтения чисел одинакова. То есть чтение многозначных чисел озвучи-

вається в англійському мові так же, як і в першому варіанті, по структурі одиниць рівня. Якщо число чотирьохзначне, спочатку йдуть тисячі, потім сотні, десятки і одиниці відповідно. Між цими рівнями є тільки один з'єднувач «и» (э), який произноситься як «о» в відповідності з произношенням (1917 – hezar-o-nohsəd-o-heftdāh). Цей приклад не може бути произнесено на персидському мові в вигляді двох знаків після запятої (nuzdāh-heftdāh или nuzdāh-o-heftdāh). Однак, якщо слідувати приведеному нами прикладу в обґрунтування своєї думки, то можна сказати, що произношення таких складних, змішаних багаторівневих одиниць, що складаються з чотирьохзначних і більших чисел, може бути ускладнено для англоязычного людини, що вивчає персидський мові. Саме когнітивна система, пов'язана з озвучуванням чисел і одиниць, утворених з чисел, проявлялась по-різному. Для людини, який ввів дві форми произношення чисел в свою систему мислення, знадобиться деякий час, щоб адаптуватися до єдиної системи персидського мові.

Згідно когнітивної версії теорії лінгвістического антиуніверсалізму, якщо в мові є підходящі слова для вираження сутності чого-небудь, то інша мова не має можливості це виразити, то мовлячим автоматично легше виразити що-небудь на рідній мові, мовлячому легше виразити себе саме таким чином. Також було проведено багато досліджень в області когнітивних підходів до теорії Сепіра-Уорфа. Найважливішими з них є дослідження американського когнітивіста Л. Боролицької по роду в мові, а пізніше Р. В. Лангакера і А. Віржібічкі. Однак слід зауважити, що антиуніверсалістські підходи в дослідженнях, проведених цими ученими, не є предметом обговорення, навпаки, навіть в дослідженнях Р. В. Лангакера і А. Віржібічкі семантична і загальногуманістическа структура для мови актуальна і в цілому включає в себе поле людського пізнання. Ці дослідження не обмежуються лексическим словником, як стверджує Н. Дж. Енфілд, наявність культурних символів в синтаксисі і словотворенні мови також повинно бути предметом обговорення» [7, с. 232].

При аналізі компонентів теорії Сепіра-Уорфа можна визнати, що мова впливає на культуру. Адже роль словникового запасу певної мови в процесі вираження думки, наявні у неї можливості, граматическа основа, на якій складено мові, можуть

іграти керівну роль в формуванні думки в свідомості людини, навіть якщо він не сформований остаточно. Навіть коли людина, що мовить на певній мові, вивчає граматику іноземної мови, в процесі оволодіння прийомами мови він спочатку виходить з можливостей своєї рідної мови, і застосовує граматиескі і семантиескі закономірності рідної мови до іншої мови. Тут при вивченні мови, при формуванні думки на іноземній мові як основний джерело звичайно береться рідна мова, тому що, на нашу думку, об'єкт в людському мисленні, від найменшого до найбільшого, можна виразити, структура самої мови, безсумнівно, грають тут важливу роль. Саме тому, спочатку це складний, запутаний і виснажливий процес кодування з допомогою мови в мову іншого типу. Однак деякі теорії стверджують, що людина, що живе в іноземній середі, ніколи повністю не адаптується до граматиескої і смислової середі нової мови, наприклад, азербайджанець не зможе мислити по-англійськи, як англоязычний громадянин, навіть якщо він живе в Америці багато років. Наше думку складає в тому, що мовна середа впливає на мислення людини. Тому що бути в оточенні певної мови означає знаходитися під впливом культурної спадщини, фольклору, народних звичаїв і побуту, сформованих в цій мові.

Тому людині спочатку важко жити в середі, де його рідна мова довгі роки не функціонує, але в результаті це не перешкоджає йому інтегруватися в цю середу. Приклад тому, коли людина, покинувши батьківщину в юному віці і що живе за кордоном, ніколи не користується своєю мовою в повній мірі, а повернувшись на батьківщину багато років потому, або дуже погано мовить на рідній мові, або мова взагалі забувається. Однак фактор віку також грає тут неоспорну роль. Також деяко спірно, що людина, досягнувши певного віку і отримавши великий соціальний досвід в середі, в якій він живе, повинен повністю адаптуватися до зовнішньої середі, як описано вище. В той же час, щоб мати можливість повністю адаптуватися до однієї мови і бути практиески вільним від впливу іншої мови, необхідно слідкувати за тим, щоб ніякої іншої мови не використовувалося в чужій середі. Для того щоб мова оформилася в людському мозку і прийняв певні образці мислення, і щоб ці образці склалися на основі компонентів

предшествующего языка, необходимо применить метод возврата и повторного использования. Когда этот метод используется, может оказаться невозможным полностью адаптироваться ко второму языку, или можно утверждать, что тот, который более предпочтителен с точки зрения использования между двумя языками, является условным.

На наш взгляд, проблема взаимодействия языков может создать основу для формирования общих когнитивных систем. Особенно это касается языков, принадлежащих к одной языковой семье. Однако, если языки даже принадлежат к разным языковым семьям, они также развиваются на основе взаимодействия народов и культур, говорящих на двух разных языках в одном регионе. На Ближнем Востоке лучшими примерами этого являются персидский и арабский языки. В общем, ни один язык не может развиваться независимо, не подвергаясь влиянию языка с другой структурой. Должна быть концепция взаимодействия. Наличие человеческого фактора, сосуществование людей, говорящих на разных языках, делает это неизбежным. Известный иранский мыслитель М. Т. Бахар объясняет это так: «ни один язык в мире не смог дистанцироваться от влияния других языков. Существование торговых и кочевнических связей между народами и создание образцов устного народного творчества на разных языках, таких, как различные легенды и мифы, привели к обогащению и разнообразию лексики языков народов. Здесь необходимо рассмотреть вопрос о том, что происходит в результате влияния одного языка на другой».

Взаимодействие языков принимает множество форм. Прежде всего, определенный язык может брать некоторые элементы из соседнего языка и включать их по необходимости в свой словарный состав. Затем этот языковой компонент может периодически появляться в различных диалектах изучаемого языка и даже постепенно изменять свою первоначальную форму, чтобы приспособиться к нормам, установленным новым языком, т.е. новый язык сначала полностью вбирает в себя слово другого языка, а затем выдает его обратно, воспринимая в другой форме, в зависимости от собственной воспринимаемой системы. Например, слово «چفس», которое используется в пехлеви и означает «клей» на современном персидском языке, вошло в арабский язык, где было изменено на «شيث», а позже, в форме «تشيث», стало полностью национальным арабским словом.

Во второй форме ряд народов берет определенные слова из другого языка, исходя из опреде-

ленных потребностей и условий жизни. Однако заимствованное слово в какой-то мере сохраняет свое первоначальное значение и, хотя и трактуется как национальное слово языка, не утрачивает в полной мере его происхождения. Такую тенденцию мы можем наблюдать в творчестве иранских писателей, заимствовавших различные выражения из арабского языка на заре ислама. Например, слово «طلايع» образовано от слова «طاليع» (ведущий, передовой, передний край – чаще используется как военный термин) [10, с. 252-258].

Познание и культура также выступают детерминантами языка. К. Леви-Стросс отмечал, что «первобытным людям на Земле было знакомо понятие разговорного языка. В целом формирование культуры совпадает с возникновением языка» [11, с. 188].

Это не означает, что язык связан только с возникновением культуры, отмечается, что он является основной причиной формирования языка.

Язык является общим результатом поведенческих процессов, которые представляют собой анализ и восприятие жизненных явлений. Со временем, с развитием слуховых и речевых навыков в социальном контексте с детства, то есть в результате биологического развития, языковое поведение претерпело некоторые изменения и приняло современный вид.

Другими словами, язык является изобретением культуры и цивилизации. По мнению сторонников этой теории, сущность языка состоит в систематическом соединении символов и человеческий разум может мысленно рассуждать на разные темы. Ж. Десаль, проводивший исследования искусственного интеллекта и познания, писал, что «ряд авторов связывает историю формирования языка с тем периодом, который мы считаем началом основной истории человечества десяти тысячелетней давности и называем изобретением цивилизации. Например, археолог А. Дэвидсон и психолог Уильям полагают, что жизнь Homo Sapiens (человека разумного) в несколько раз старше, чем считается сейчас. За этот период человечество претерпело большие изменения. Несколько десятков тысяч лет назад везде, где человечество начало жить, произошло событие, подобное фундаментальной культурной революции» [12, с. 43].

Главный момент, лежащий в основе работ Ж. Десалья, состоит в том, что вопрос о языке живого вида, именуемого человеком, внешне как бы уже решен. Этот живой вид, способный доминировать в окружающей среде без каких-либо

серьезных когнитивных изменений, открывает для себя искусство и знакомится с концепцией духовности. То есть, когда мы полностью анализируем этот подход, мы видим, что язык является продуктом культуры и социального поведения, и что язык выдвигается на первый план как одна из причин этого культурного скачка. В то же время Ж. Десал считает, что при таком подходе язык создает разум. То, есть по мнению ученого, язык создает цивилизацию, а цивилизация, в свою очередь, создает язык.

Хотя Лангакер и признает, что когнитивный метод у человека базируется на единой основе, развитие грамматического строя языков не сохраняет этого единства, а изменяет его, приспособлявая к требованиям современности под влиянием культурных особенностей, изменений в зависимости от исторических факторов [13]. То есть методы понимания семантической природы языка развивались в соответствии с этими изменениями. С этим мнением ученого можно согласиться. Действительно, когнитивные парадигмы старше общего развития цивилизации. Вообще появление человеческих сообществ, будь то на ранних стадиях развития человека, охоты, перехода к собирательству, или когда *Homo sapiens* начал познавать мир в истинном смысле слова, то в этом обмене информацией сработали механизмы взаимопонимания, ибо при отсутствии системы понимания развитие языковых компонентов для общения становится невозможным. Однако точная форма этих механизмов неизвестна. Этот процесс, несомненно, отличается от языковых методов познания в наше время, поскольку базовая платформа, на которой формировался концепт

(сегодняшний языковой концепт), не была характерна для того периода, и влияние культурных факторов на грамматический механизм языка также в древности приводит к изменению формы этих познавательных методов. Однако, как указывает автор, существует тенденция ориентироваться на нетипичные ситуации, но в то же время существуют определенные традиционные методы познания, оставшиеся с ранних стадий цивилизации, в результате эволюции человека.

Выводы. Можно согласиться с тем, что грамматика языка отличается от его социальной стороны, но и здесь влияние практических сторон на грамматическое развитие неоспоримо. Хотя Н. Хомский различал грамматику языка от его практики до периода минимализма, бесспорно, что в грамматике отражаются различные изменения в формировании языка и речевых процессов. Несмотря на то, что сегодня издаются книги под названием «Разговорный язык» и эта область считается отличной от грамматики, безусловно невозможно, чтобы элементы грамматики не имели здесь влияния. Практическая сторона языка, которая извлекает выгоду из грамматических элементов или, в свою очередь, может влиять на такую структуру грамматики, также находится под влиянием культурных процессов. Иными словами, отрицать вопрос влияния в этом взаимодействии, на наш взгляд, нельзя. Его можно описать как независимое поле только с точки зрения влияния друг на друга. Потому что факторы, создающие эффект каждого из них, формируются в их объеме, с помощью их внутренних компонентов, ведущих признаков. Только в этом смысле их можно считать самостоятельными областями.

Список литературы:

1. Имре Лакатос: Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // <https://gtmarket.ru/library/basis/4369/4373>
2. Tauli V. "The Theory of language planning" in *Advances in Language planning*, J. Fishman (ed.), The Hague: Mouton, 1974, pp. 49–67.
3. Humbolt V. V. *Gesammelte Schriften VI (2)*, Berlin, 1907. 396 b.
4. Hertzler J. O. *A sociology of language*, 1965, 559 p.
5. Cassirer E. *Language and Myth*, (tr.) Susanne K. Langer, NY : Harper and Brothers. 1946, 128 p.
6. Lyons J. *Language and Linguistics: An Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press. 1981, 386 p.
7. Enfield N. J. "Ethnosyntax: Introduction", in N. J. Enfield (ed.) *Ethnosyntax*. Oxford : Oxford University Press. 2002, 344 p.
8. Chomsky N. *Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use*, New York, N. Y: Praeger. 1986, 16 p.
9. Lund N. *Language and Thought*, NY : Routledge Modular Psychology Series. 2003, 154 p.
10. Bəhar M. T. *Səbkşenasi, 3 cildlik, birinci cild, zəvvar nəşriyyatı*, Tehran : 1390, 496 s.
11. Charbonnier G. *Entretiens avec Claude Levis-Strauss*, Paris : Agora 1961, 188 p.
12. Dessalles J. L. (2007) *Why we talk: The Evolutionary Origins of Language*, Oxford : Oxford University Press 2007, 388 p.
13. Langacker R. W. "Settings, Participant and Grammatical Relations", in S. L. 1990, 26 p.

Mammadova A. B. LANGUAGE, THINKING AND CULTURE IN THE WORLD VIEW

Questions about the relationship of language, thinking and culture throughout history have been addressed in various scientific and philosophical contexts. The main element of mental reflection here is the language itself, the moments that arise and attract attention in the direction of its development. The main research idea of the article is the language, its grammar, the forms used in speech, its position as a means of communication and all the processes that take place between the human mind and culture as a product of the social development of society. The article discusses approaches to this issue, published in the scientific press and caused a wide discussion. Based on the analysis of their scientific content, the attitude to the analyzed problems is determined. So, to date, within the framework of scientific research, many attempts have been made to concretize issues related to the history of the formation and development of the language, its systematization, and many conflicting views are being put forward as a solution. How did the language first appear, what is the trend of its development, what is the level of connection of the language with human thinking, what is the reality of functioning, etc. Being an integral part of philosophy, the philosophy of language seeks answers to many such questions. Language and the units that form its basis use their components to designate all the elements of being that allow expressing meaning, being a means of expressing these elements, and in a certain context. In other words, language is a means of expressing an essence that manifests itself in itself. The nature of language lay in the structure of symbolic relations and, as a leading element in the formation of the human mind, allowed it to adapt to various environments and perform certain actions in the process. This mind is the embodiment of various concepts and judgments that we create about these phenomena, the invention of certain metaphysical concepts, which, in turn, are their analysis, research and search.

Key words: language, cognition, thinking, culture, interaction of language and thinking, linguistic relativism and determinism, N. Chomsky, Sapir-Whorf hypothesis.